

Кристина Выборнова

На слуху

Расследования Колина Розанова

Кристина Выборнова

На слуху

«Автор»

2026

Выборнова К.

На слуху / К. Выборнова — «Автор», 2026 — (Расследования
Колина Розанова)

У капитана Розанова - полоса неудач. Дети отвлекают от работы дурацкими просьбами, жена - обидами, а ценный осведомитель чуть не отдает богу душу из-за его, Колина, ошибки. И, как будто этого мало, Розанову приходится расследовать неожиданное дело, в котором он не видит ни жертвы, ни преступника, ни где они находятся, а из всех средств воздействия у него есть компьютер с интернетом и телефон...

© Выборнова К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Кристина Выборнова

На слуху

Глава

Я, как шутил иногда Женек, никогда не мог в своей жизни пожаловаться на отсутствие проблем. Однако проблемы эти были почти всегда связаны с эмоционально-личной сферой, а еще точнее, с моей дурной башкой. Сестрица, походив к психологу за бешеные бабки и прочитав парочку скачанных из интернета книжек типа «Двести простых способов исправить все», как-то в телефонном разговоре с удовольствием заявила мне:

- У тебя, братец, смещена самооценка. В личной жизни ты считаешь, что ничьей любви не заслуживаешь, а на работе, наоборот, думаешь, что у тебя что угодно получится.

- Так ведь это правда, - возразил ей я. - Профессиональная сфера — это то место, где я знаю, что и как делать, в отличие от личной, вот и все. И нечего мне приписывать какой-то там перелом самооценки со смещением...

Однако и на мою профессиональную уверенность встречалась проруха, и однажды произошел эпизод, который поверг меня самого в уныние и заставил крепко задуматься: возможно, еще не поздно сдать полномочия и пойти работать в ближайший «Макдональдс», который будет мне в самый раз по развитию.

День, когда это все случилось, с самого утра с полным правом мог носить название «роковой». Суетня и нервоотрепка преследовали меня с той секунды, когда я переступил порог отделения. Все куда-то убегали, но перед побегом чего-то срочно от меня хотели, а я в ответ убегал от них или вяло отлаивался. В качестве апофеоза чудесного денька как раз за минуту до выхода с работы (мне нужно было забрать Нинку с Олегом из детсада, поскольку Ксюшка болела), меня выловил взъерошенный и охрипший Вовочка и прогнусил, что я должен в семь встретиться с нашим штатным осведомителем по тягомотному делу, связанному с наркотиками. Мы должны были пересечься на пустыре за чертой города, осведомитель меня в лицо не знал, но ему надо сказать кодовые слова.

С оными словами мне сунули бумажку: я глянул на них и забыл еще раньше, чем закончил читать. Как всегда, что-то придурочное и неестественное, из разряда «розовый слон дудит в колокол по четвергам». Ладно, по бумажке и прочту.

Решив это, я покивал Вовочке, помахал ему же и побежал в направлении детского садика, поскольку времени у меня осталось, учитывая порядочные концы, которые надо было сделать, хрен да маленько.

Но, как всегда, когда в дело вмешивался детский садик, все оказалось не так просто. Провожать моих детишек вышла какая-то из воспитательниц, имени которой я изначально не запомнил, чтобы не грузить голову лишней информацией, а про себя называл ее Шмакодявкой из-за субтильного телосложения и писклявого голоса. Пока я впихивал детей в толстую осеннюю одежду, она торчала рядом и верещала какую-то ересь про поделки из веточек, травки и прочего мусора, которые надо будет куда-то там принести.

- Ладно-ладно, хорошо, принесем, - согласился я, не вслушиваясь. - Мы пошли.

- Еще нужно разучить песню на день матери! - перегородила мне дорогу Шмакодявка. - Нина пообещала, но не выучила, а Олежек выучил, но стесняется выступить, вы с ним потренируйтесь...

- Хорошо, потренируемся, - я с тоской посмотрел на недоступную входную дверь, потом перевел взгляд на Шмакодявку и стал прикидывать, как отодвинуть ее с дороги, не нарвавшись на скандал. Шмакодявка, как заведенная, бубнила:

- А еще нужно сдать деньги, потому что дополнительные расходы, и Марина Анатольевна сказала, что...

- Натэ, - сказал я, не дослушав, и, поковырявшись в кармане, вложил ей в руку три тысячи.
- Мы пошли.

- Так только две тысячи пятьсот надо, подождите, я разменяю...

- Нет-нет, оставьте себе на чай! - гаркнул я тоном, уже идущим вразрез с моим радушным предложением. - Честное слово, мы опаздываем! До свидания!

Из детсада, который впору было переименовывать в детзасад, все же удалось вырваться без скандала, и это радовало меня до тех пор, пока Олег, которого я тащил в левой руке, вдруг не начал пробуксовывать, зачем-то приседая на корточки. Я, не тратя слов, просто подпернул его вверх. Он издал противный скрипуче-ноющий звук и повис на мне всей тяжестью, как гиря, завопив:

- Ну стооой! Ну стооой же!

- Нет, нам надо домой, - отрезал я. - Некогда, потом постоишь.

- Ну паааап, - заныл Олег в пять раз противнее, чем до этого. - Ну лииистики же... собраааать! Для букетикааа! Завтра принести! Ты сааам сказаааал!

- Я не сказал, мне некогда, обойдутся они там без твоего букетика.

- Как без букетика?! - встревожилась Нинка в другой моей руке и тоже провисла. - Пап, сказали всем букетики сделать, из листиков, давай мы наберем!

- Не сегодня, у меня времени нет.

- Ну паааап! - взвыл Олег визгливым голосом юной пилы. - Ну даай!

Ну буке-е-етик же!

- Обойде-е-е-ешся! - в тон ему взвыл я. - Я сказал, нет времени. Чего непонятного?!

- Ты же обеща-а-ал! - завопили уже два голоса. Я молча продолжал идти вперед, почти волоком перемещая наследников. Наше движение сопровождали равномерные звуки «а-а-а-а» и «ы-ы-ы-ы», зверские всхлипывания и периодический визг. Нинка просто сердито орала, но хотя бы переставляла ноги, а вот Олег попытался было упасть на землю в знак протеста, но я просек его намерение и тычком в спину придал ему хорошего ускорения, с которым он, как ракета, благополучно влетел в дверь подъезда. Нинка, как более старшая и разумная, посмотрев на это, прекратила вопить и вошла куда надо сама.

Но все равно, конечно, в квартиру детишечки явились, утопая в соплях и гундося уже с порога длинные неразборчивые жалобы. На шум выбежала встревоженная Ксюшка с блестящими глазами, закутанная шерстяным шарфом.

- Что такое, что случилось? - выговорила она сквозь кашель.

Олег выпрямился, как повстанец перед расстрелом на небезызвестной картине. Он перестал рыдать, и его влажные глаза лишь выражали ужасное горе и отчаяние, достойное жертвы фашистского режима. Нацелив на меня палец, сынуля очень раздельно произнес:

- Он. Не. Дал. Нам. Набрать... Листиков!!!

- Мне некогда, у меня там осведомитель стынет, завтра наберут, - попытался я пресечь одной фразой все возможные Ксюшкины претензии. Не тут-то было, она зашла с другого бока:

- Ну и что, что осведомитель?! Обязательно нужно было так доводить детей?! Вон, даже Нина вся зареванная!

- Просохнет. Я свое дело сделал, в конце концов: ты сказала, их забрать, так я и забрал. О листиках и прочих прибаутках мы не договаривались, - это сообщил я уже из комнаты, сидя к жене спиной перед тумбочкой, откуда выкапывал ключи от машины.

- Да-да, конечно! - хрипло занудила она из коридора с гнусаво-истеричными нотками, словно еще один противный ребенок. - Уйди еще подальше, зачем тебе на меня смотреть, когда ты со мной разговариваешь! Вообще иди в другую комнату и говори оттуда, а то ты недостаточно показал, насколько тебе на нас всех чихать!

- Ааааа... Ыыыы... Листики... - поддали атмосферы дети.

Я выкопал, наконец, ключи, и совершил желаемое Ксюшкой действие: то есть прошел в коридор и повернулся к ней лицом. Боюсь только, на этом самом лице она ничего хорошего не увидела, потому что почти тут же я заорал на нее в лучших традициях Карги:

- Да вы все охренели, что ли? Рты себе заклейте своими листиками! А ты отвяжись от меня к чертям собачьим со своими претензиями и не вякай мне под руку!

Дети проявили благоразумие: они разом умолкли, обежали меня и, как испуганные ежи, укатились куда-то в комнату. Ксюшка тоже молчала, глядела на меня исподлобья и теребила шарф, а глаза ее быстро, будто их кто-то накачивал насосом, заполнялись слезами. Наконец она всхлипнула, попыталась из себя выдавить какие-то слова, отвернулась, судорожно бросилась в ванную и захлопнула за собой дверь. Через пару секунд там зашумела вода, и сквозь нее послышались кошмарные задыхающиеся рыдания. От них у меня тут же у самого сдавило в груди, и я завис перед дверью, абсолютно не зная, что делать. Так у нас бывало и раньше: я, когда мне было некогда задумываться и разводиться политес, гаркал что-нибудь грубое на повышенных тонах, в том стиле, в каком привык общаться с сестрицей. Но если с Оксанки все мои вопли скатывались, как с гуся вода, и реагировала она на них в стиле «утерлась и дальше пошла», то жена каждый раз очень болезненно воспринимала такое «братское» с ней обращение, начинала реветь и часто обижалась на несколько часов. Обычно я в таких случаях наворачивал вокруг нее сужающиеся круги и приносил многочисленные извинения, впрочем, вполне искренние, потому что совершенно не хотел такого эффекта, но сейчас жесткий хронометраж не давал мне даже времени на куцее раскаяние. Если я ей крикну сквозь воду что-нибудь в стиле «прости меня сейчас, потому что через пять минут я уйду», то сто процентов не достигну успеха: Ксюшке всегда нужно больше времени, чем мне, чтобы отойти... Ничего не поделаешь, попозже пошлю ей смс-ку: это все же лучше, чем ничего.

Решив все, что надо, и стараясь не слушать продолжающиеся за дверью ванной рыдания и не реагировать на них эмоционально, я вделся обратно в куртку и открыл дверь.

Из комнаты высунулся Олег: его лицо было не только заплаканным, но еще и перепуганным.

- Мама плачет, - сказал он тихо и вопросительно заглянул мне в глаза.

- Да, - согласился я. - А я ухожу. Вернусь — тогда и разберемся, кто кому чего куда...

На слове «куда» я захлопнул дверь квартиры, повернул ключ, и, глянув на часы, галопировал вниз по лестнице.

Некоторый шанс успеть к осведомителю у меня был, но паршивый день еще не кончился, поэтому на пути мне стали попадаться мелкие заторы и дурацкие аварии, а окружающие водители поголовно ездил так, будто это не я, а они поссорились с женой и теперь с досады хотят совершить самоубийство. К тому же, то ли заглянул навигатор, то ли затупил я сам, но развязка, в которую я нырнул, оказалась не той, и пришлось пару раз вхолостую пропетлять по въездам-выездам.

Тем не менее, обозначенный как место встречи пустырь за стройкой я нашел. Уже издали, подъезжая, я заметил, что там стоит машина со слабо светящимися фарами, а возле нее переминается человек. Кажется, он глянул на часы и открыл машинную дверцу с явным намерением уехать: сейчас было, судя по приборной панели, уже 19:15.

Увидев это, я душевно поддал газу, зверски взревел мотором, пронесся на непогашенной скорости вперед, миновал его машину, спохватился и, вспомнив курсы экстремального вождения, на которые нас всех по обязанности таскали, дернул ручник.

Машина сделала так называемый «полицейский разворот» и остановилась с пронзительным визгом. Инструктор по экстремальному вождению меня бы наверняка похвалил, а вот осведомитель что-то не впечатлился, напротив, еще быстрее полез в машину.

Я высунулся из дверцы, махнул ему рукой, зычно крикнул «да ты куда намылился, дебил?» и собрался докричать ему кодовые слова, но обнаружил что а: не помню самих слов и б: забыл место, куда запихал бумажку с ними.

Но осведомитель ждать меня совсем раздумал: он запрыгнул в машину и понесся вперед по узкой, неосвященной и местами чуть обледеневшей деревенской дороге.

Вот же черт! Чего он испугался?! Собственно меня? Чего-то еще? Раздумал сотрудничать? К сожалению, на все эти вопросы можно было ответить, только догнав его, так что мне ничего не оставалось, как захлопнуть дверцу машины и тоже нажать на газ.

Гонки в таких условиях у нас получились преотменные. Что у меня, что у него, не хватало времени как следует маневрировать на дорожных извилинах. Он не падал в кювет потому, что у него было нечто типа джипа, и, видимо, полный привод, а я компенсировал некрутость своей машины постоянными подзаносами, которые устраивал, регулярно проезжаясь по обочинам. Самих заносов я не боялся и умел из них выезжать без особых потерь: на моем переднем приводе достаточно было аккуратно поддать газу, но к цели, то есть к осведомителю, меня это не особо приближало. Он чесал впереди, не снижая бешеной скорости: мы друг за другом повернули на 90 градусов и оказались на еще более узкой дороге, да еще и уставленной ремонтными конусами. Он эти конусы посшибал, я между ними машинально пролабирывал, мы въехали на какой-то раздолбанный мост, и тут мой красавец вдруг дал по тормозам.

Меня от страстного поцелуя его зада спасла только очень хорошая реакция: недаром даже инструктор по экстремальному вождению ее в свое время похвалил, сказав: «Водите вы ужасно, ладно еще, у вас реакция хорошая, а то давно бы в гробу лежали». В общем, затормозить я успел, и хотя что-то завизжало и запахло жареной резиной, моя несчастная тачка остановилась в нескольких сантиметрах за его бампером.

Но на этом приключения не кончились. Паршивец вылетел из машины, сделал ручонки ласточкой и в чем был сиганул с моста вниз, где блестела черная вода.

Тут у меня снова не осталось другого выхода: потонет же, придурок жизни, в такой холодрыге! Я вылетел из машины и бодро запрыгал к краю моста на одной ноге, по ходу снимая с другой ботинок. Таким же способом я избавился от куртки, остановился на краю и увидел смутную голову, всплывшую на поверхность. Голова что-то булькала, но меня интересовало не это, а то, что, скорее всего, под мостом довольно глубоко и можно прыгать. Все же на всякий случай я сиганул в воду солдатиком, чтобы, если что, сломать ноги, а не шею.

Глубина оказалась порядочной, а вода — ледяной. Кажется, даже зимой в проруби я купался комфортнее. Чтобы не трястись, я сразу перешел на кроль, подплыл к булькающей неподалеку башке и попытался подхватить ее под мышки, но башка вдруг принялась отбиваться и вопить: «Нет, нет! Помогите! Полиция!»

- Дебилоид, я и есть из полиции! - нежно плюнул я водой ему в ухо.

- ...Да? - булькнул он после нерешительной паузы.

- Конечно, блин! - я попытался притянуть его к себе, но он утек от меня вместе с холодным течением и прохрипел издали:

- Тогда покажите эти... ваши документы!

- Ты полный кретин, что ли? - поинтересовался я. - Ты еще у меня тут интервью возьми. Давай на сушу вылезем, там я тебе хоть марсианского слона покажу, но не здесь же!

- А тогда скажите... эти... - он из последних сил набрал воздуха. - Кодовые слова!

Пару секунд я сумрачно и молча колыхался рядом с ним в ледяной воде, не зная, смеяться мне или плакать. Но годы работы, к счастью, развили мою зрительную память, и особенно

сильно это проявлялось в стрессовых ситуациях. Поэтому я вздохнул, протянул вперед руку, положив ее на плечо осведомителю, и сердечно произнес:

- Стюардесса Ирина потеряла веер. ...Полезли на берег, а?

Дальнейшее описывать было довольно печально. Остаток вечера мы провели, сидя в выжатой одежде и пытаясь согреться машинными печками. Нужными сведениями мы обменялись, но что меня, что его не оставляло чувство некоторой неловкости, как будто мы назначили друг другу свидание и только потом спохватились, что среди нас ни один не является женщиной.

Но хуже всего было не это, а то, что встреча записывалась на маленькую камеру в машине осведомителя, и видео с этой камеры он передал мне как отчет для Карги. Я, как говорится, «вместо тысячи слов» представлял себе лицо начальницы во время просмотра этого триллера, и честил себя последними словами. Хреновая работа, на твердую двоечку: опоздать, перепугать осведомителя диким появлением, да еще и забыть сказать первым делом кодовые слова... Ладно еще, сейчас ничего от этого не зависело, и мы просто развлеклись. А если бы обстоятельства были другими? Если бы, в конце концов, река оказалась мелкой и осведомитель погиб? Тоже бы оправдывался, что долго детей из садика забирал и с женой поссорился? Такого непрофессионализма надо поискать...

Домой я вернулся часам к одиннадцати, ожидая много чего. Но меня вышел встречать только Тобик, да и тот только с один действующим глазом. Свет везде был потушен, дети спали в своей комнате, а в нашей, к моему облегчению, обнаружилась Ксюшка. Она спала, закутавшись в шарф и простуженно сопя носом во сне, на своем обычном месте, и на кровати рядом с ней, против моего ожидания, не было возведено государственной границы и не лежали противотанковые ежи. То ли она решила простить меня заочно, то ли у нее по болезни не было сил на адекватный ответ Чемберлену. Затаив дыхание, я наклонился над ней и погладил по голове и щеке. Она в полусне протянула руку, тоже пощупала меня и пробормотала:

- Колин, это ты? Чего-то у тебя волосы мокрые...

- Купался, - пояснил я шепотом и тоже хлюпнул носом, как она. Ксюшка заворочалась и подвинулась:

- Ты ложись...

Чувствуя себя от ее мирного и даже нежного тона в лучших православных традициях: то есть, недостойным грешником, я послушно улегся рядом с ней и немного повозился, пытаюсь пристроить левую ногу, которую от купания в ледяной воде начало нещадно тянуть и вылаживать. Полусонная жена легла ко мне на плечо и превратилась в полностью сонную, у меня же сна почему-то не было ни в одном глазу. Воистину, иногда худшее наказание — это его отсутствие...

Чтобы хоть чем-то заняться, я принялся уныло водить глазами по комнате. Зрение немного приспособилось, темнота превратилась в серость, усеянную помехами, похожими на телевизионные. Сквозь эти помехи проступили стоящие на пианино две вазочки с очертаниями кленовых листьев. Все-таки набрали... Неужели Ксюшка ребят одних выпустила? Да нет, вряд ли, наверняка, сама с ними сходила, в больном виде, и теперь, вот, хлопает... Как бы хуже не разболелась. А мне на десерт досталась одна единственная мысль: семьянин из меня отвратный, но и профессионал сомнительный, так что теперь даже оправдаться великими деяниями не получится. Мог бы с детьми и поприветливей поговорить. Мог бы вообще послушать, что они сказали. Мог бы, в конце концов, видя, что не успеваю, послать к осведомителю кого-нибудь еще. Это же не вопрос жизни и смерти, я сразу понимал... «Но тебе же не хочется вникать в какую-то скучную семейную жизнь, - проснувшись, ехидно проскрипел внутренний голос. - Тебе только праздник и взрыв эмоций подавай. Ты-то, конечно, в детстве листики и камушки не собирал, ты у нас, гений, сразу доклады на симпозиумы писал! Что тебе до состояния каких-то там жены и детей, когда нужно срочно испугаться в этой... как ее...»

Я вынул из-под одеяла мобильник, загрузил карту и выяснил, что река, в которой мы купались, называлась Моча. Это так хорошо вписалось в общую картину, что я даже не удивился. Внутренний голос тоже заткнулся, поскольку все сказал, а я приготовился не спать до рассвета и даже собрался было встать, но тут снова зашевелилась Ксюшка.

- Лежи, лежи, - бормотнула она, прижимаясь покрепче. - А листья это я Беньку попросила принести, не выходила я, не волнуйся... Извини, что привязалась, я знаю, как противно, когда мешают в расследовании, просто я из-за этой болезни какая-то нервная и капризная стала...

Некоторое время я молчал, пытаюсь, довольно безуспешно, уверить себя, что она не умеет читать мысли. Потом, наконец, у меня получилось выдать полушепотом с легкими подвыпаниями, подозрительно похожими на Олеговы:

- Это я хотел перед тобой извиняться, зай. Я тебя люблю...

Ксюшка снова зашевелилась и даже приподняла голову: видимо, мой трагический тон ее удивил. Она прошептала:

- Да ладно тебе, ну чего ты так расстраиваешься. Я и сама часто воплю, когда куда-то опаздываю, все нормально, честное слово.

- Ага, - согласился я уныло и пригреб ее к себе, решив не пояснять, что меня повергло в такое уныние на самом деле. Все равно завтра выслушивать пропесочку от Карги...

Карга меня не разочаровала: увидев запись с камеры, она схватилась за остатки волос, некоторое время смотрела на меня так же приветливо, как смотрят на домашнего кота, напрудившего в углу, после чего набрала воздуха и начала орать. Впрочем, ничего нового она не сказала, из того, что я сам себе не говорил, разве только выражалась пообиднее и задавала вопросы.

- Зачем вы прилетели на место встречи с такой скоростью? - шипела она. - Вам негде было полихачить?

- Я опаздывал.

- И что, разогнавшись в самом конце, вы сильнее успели? - съехидничала начальница.

- Посмотрите вот на записи, как это выглядело со стороны осведомителя, что вы творите, и включите голову хоть раз: на пустырь вдруг врывается какая-то машина, делает полицейский разворот, из нее выскакивает какой-то непонятный тип с выпученными глазами и орет на чем свет стоит. Вы еще удивляетесь, что он от вас в речку прыгнул? Кстати, зачем вы еще и сиганули за ним? Если бы там было мелко, вам некому даже было бы оказать первую помощь!

- Да нет, я, конечно, глянул, прежде, чем прыгать: смотрю — плавает, ну тогда я тоже...

- Я думала, Розанов, что у вас хоть с рождением детей голова включится, - печально сказала Карга, снижая тон. - Что прошли времена, когда вы исчезали без предупреждения на две недели, лезли, где не закреплено, прыгали с любой высоты, получали потом травмы и лежали по больницам...

- Не так уж много я и лежал, вообще-то...

- Я думала, у вас появится хоть какая-то ответственность перед близкими людьми, - не слушая, продолжала заведенная Карга, - но, я смотрю, я понадеялась зря: положиться на вас невозможно, вы как маленький ребенок, только отвернешься — сразу хулиганите. Как мне надоело за все отвечать одной в этом дурдоме!!! - неожиданно заорала она, задрала голову к потолку, закашлялась, отодвинула меня локтем и ушла.

Находящиеся рядом работники посмотрели на меня с удивлением: обычно такого поведения я начальству не спускал, возражая и вякая на каждое слово, но сейчас я был с Каргой скорее согласен. Похоже, время экспромтов, которыми я по молодости лет успешно брал высоты в своей профессии, подошло к концу. Не все, блин, можно решить беготней, суетой и чередой необдуманных поступков, которые каким-то чудом, по стечению обстоятельств, приводят к более-менее нужному результату. Вот искупался я в этой речке с неудобосказательным названием, и пожалуйста: с утра хожу, как на костылях, нога ноет и аж подволакивается. Вот

не сможешь везде бегать и лазить, дебил, как будешь расследовать? По-другому-то слабо, не Ниро Вульф-то, чай...

Запихивать себя под самый низ плинтуса мне никто не мешал: коллеги расплзлись по своим делам, нынешний день был не чета вчерашнему, сонный и неторопливый. В конце концов мне тоже надоели внутренние монологи, я глянул на часы и с неохотой вспомнил, что надо позвонить в местную дежурку своему знакомому, капитану Ивашкину, узнать результаты осмотра одного из мест преступления.

Телефон дежурки не отвечал, мобильник Ивашкина — тоже, но это неудивительно: капитан, будучи брюзгливым пожилым хрычом, не верящим в научно-технический прогресс, часто сам его выключал. По-любому выходило, что легче сбродить в дежурку ногами, все равно она находилась на соседней улице.

Я подобрал куртку со стула, натянул ее и поплелся туда, куда сам себе сказал.

Моросил дождик, стояли густые серо-фиолетовые сумерки. Здание дежурки, еще более трешовое и обшарпанное, чем здание нашего отделения, кособоко высилось на фоне неба, слабо подсвеченное желтоватыми фонарями. Для полноты атмосферы ему не хватало по бокам подъезда только горгулий с высунутыми на полметра языками...

Внутри оказалось не живее, чем снаружи: свет еле горел, стойка непосредственного дежурного была пуста, телефон уныло смотрел на меня грязными пластиковыми кнопками. Какая-то жизнь, кажется, все-таки шла, но в самых глубинах здания.

Я прислушался, пошел на звук по продавленному линолеуму коридора, и, приоткрыв одну из дверей, нашел полный кабинет веселых нетрезвых людей. Судя по всему, работники дежурки отмечали чей-то день рождения.

- О, здравия желаю! - воскликнул лейтенант лет двадцати. - Мужики, капитан Розанов пришел! Давайте с нами, мы тут отмечаем... этот. День матери!

- Вижу. Где Ивашкин и почему на телефоне никого нет? - поинтересовался я сухо: пускаться в лирику с сопливым лейтенантом мне не улыбалось.

- Ивашкин домой... унесли... - проикал чей-то голос, судя по направлению звука, из-под стола.

- А на телефоне Лена должна быть, - подхватила пухлая выбеленная сержантша. - Она ушла, что ли?

- Это вы у меня спрашиваете? - поинтересовался я.

- Неа, я у них. Наверное, ушла. Ну ладно, щас я выйду, или Костя...

Никто не сдвинулся с места, более того, все, кажется, про меня забыли и принялись доставать из-под столов закуску и раскупоривать бутылки о подоконник. Я постучал костяшками пальцев по двери, привлекая к себе внимание.

- Граждане алкоголики и другие любящие дети, отмечающие день какой-то там матери! Послушайте меня чуток. Я пойду, посижу в дежурке, поищу материалы, а вы пока тут скиньтесь, посчитайтесь или еще как, но чтобы до моего ухода на телефоне этого вертепа появился дежурный. В противном, даже очень противном для вас случае, я завтра так порадуя ваше вышестоящее начальство, что вы долго никакой матери праздновать не будете. Уяснили? Ну, я вас жду.

С этим я и ушел, отчасти довольный, что хоть на ком-то удалось выместить свое паршивое настроение. Так-то оно так, но, уличив в непрофессионализме другого, сам лучше не станешь...

Я действительно сделал, как обещал: осел за стойкой дежурки и принялся обшаривать ящики ближайших тумбочек и полки небольшого шкафа-картотеки: я примерно знал, где что обычно хранит Ивашкин.

Пришлось порыться, но в конце концов я нашел, чего искал, и собрался было сходить еще раз припугнуть не спешащую мне на замену пьянь, как вдруг грязный кнопочный телефон ожил, судорожно зазвонив электронным бляющим голоском и замигав лампочкой.

Я снял трубку и сказал в нее:

- Дежурная часть, капитан Розанов, слушаю.

- Сержант Петрова, общая линия, по ноль-два! - крикнула мне сквозь шум недовольная

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.